

Пушкарев Алексей Назарович

**О душевных болезнях в судебно-
медицинском отношении**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 5
А47

А47 **Алексей Назарович П.**
О душевных болезнях в судебно-медицинском отношении / Пушкарев Алексей Назарович –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 277 с.

ISBN 978-5-519-79905-8

ISBN 978-5-519-79905-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

***Выписка изъ журнала Медицинскаго
Совѣта 8 Іюля 1847 года, за №
168, утвержденнаго Господиномъ Ми-
нистромъ Внутреннихъ Дѣлъ 17 Іюля.***

Медицинскій Совѣтъ, выслушавъ донесеніе Члена своего Загорскаго о сочиненіи Г. Пушкарева, съ своей стороны полагаетъ, что означенное сочиненіе не можетъ быть признано руководствомъ при разрѣшеніи судебно-медицинскихъ вопросовъ о сомнительныхъ душевныхъ болѣзняхъ, по особенности взгляда Автора на этотъ весьма важный въ юридическомъ отношеніи и въ области науки еще спорный предметъ, и по трудности согласить этотъ взглядъ на сущность душевныхъ болѣзней, въ настоящемъ его видѣ, съ общепринятыми въ наукѣ и въ нашемъ законодательствѣ началами. Но, не

желая стѣснять свободы ученыхъ разсужденій, преимущественно способствующихъ разъясненію спорныхъ предметовъ науки, Медицинскій Совѣтъ, отдавая полную справедливость добросовѣстному труду Автора, полагаетъ, что сочиненіе это можетъ быть напечатано, и что Авторъ, за трудолюбіе и готовность разрабатывать матеріалы, столь важные для Судебной Медицины, заслуживаетъ изъясненія признательности Начальства и поощренія.

Представляя такое свое заключеніе на усмотрѣніе Господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Медицинскій Совѣтъ положилъ: сообщить его Медицинскому Департаменту въ списокъ съ настоящаго журнала, въ случаѣ утвержденія его Господиномъ Министромъ, съ тѣмъ, чтобы оно могло быть припечатано при самомъ сочиненіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Внимательное изученіе множества судебно-медицинскихъ дѣлъ, въ продолженіе пятилѣтней службы моей въ главномъ управленіи гражданскою медицинскою частию, показало мнѣ, до какой степени шатки и неопредѣлительны, въ судебно-медицинскомъ отношеніи, общепринятые въ наше время понятія о душевныхъ болѣзняхъ: многочисленные примѣры, приведенные мною въ этомъ сочиненіи, убѣдятъ въ томъ каждого, кто приметъ на себя трудъ, хотя бѣгло, прочесть его. Причину шаткости и неопредѣлительности этихъ понятій угадать не трудно: она заключается въ недостаточности нашей литературы по этому предмету; но очень мудрено пособить сему недостатку.

Не находя въ отечественной судебно-медицинской литературѣ достаточныхъ пособій для разрѣшенія многихъ вопросовъ, относящихся къ избранному мною предмету, важность котораго такъ очевидна, я обратился къ литературѣ иностранной; но и въ ней, къ сожалѣнію, нашелъ только хаосъ мнѣній и теорій, — правда, блестящихъ остроуміемъ и ученостію, но не представляющихъ ни той ясности, ни той простоты, которыхъ вправѣ требовать отъ нихъ для своего убѣжденія судья,

IV

незнакомый съ особенностями медико-психологическихъ ученій. Странно, что всѣ знаменитые люди, писавшіе объ этой отрасли врачебной науки, смотрѣли на душевныя болѣзни чрезвычайно односторонне. Разсматривая положеніе, въ которомъ находится въ настоящее время этотъ, во многихъ отношеніяхъ, чрезвычайно важный предметъ, можно подумать, будто врачи, принявъ въ человѣкѣ двѣ стороны: духовную и тѣлесную, и согласившись, что каждая изъ нихъ порознь можетъ быть поражена болѣзнію, какъ бы размежевались, сказавъ при разставаніи другъ другу: станемъ обрабатывать эти двѣ сосѣднія области; каждый изъ насъ пусть выберетъ себѣ любую, съ условіемъ одна-кожъ, выбравши одну изъ нихъ, ни въ какомъ случаѣ не сообщаться съ сосѣдомъ. Сравненіе это слишкомъ матеріально; но я не умѣлъ прибрать такого, которое ошутительнѣе выражало бы мысль мою.

Должно сознаться, что такое отдѣльное обрабатываніе участковъ приносило нѣкоторую пользу наукѣ; поля тучнѣли, доставляемые ими плоды были превосходны; но только въ срединѣ каждой области, по мѣрѣ приближенія къ раздѣляющей ихъ межѣ, взору представляется глушь и заустѣніе. То же самое мы дѣйствительно находимъ и въ современномъ состояніи врачебной науки. Мы видимъ, что въ то самое время, когда отдѣлъ собственно-умственныхъ болѣзней, какъ средоточный представитель психіатріи, доведенъ до желаемой степени совершенства, а хирургія, какъ пред-

ставительница врачебныхъ изслѣдованій тѣлесныхъ болѣзней, служитъ дивнымъ примѣромъ науки, доведенной почти до математической точности,—въ то самое время терапия, сближающая эти двѣ крайности врачебнаго знанія, колеблется между аллопатіей и гомеопатіей, броуніанизмомъ и бруссеизмомъ, водою Присница и томленіемъ больныхъ жаждою, Шрота. На рубежѣ этихъ двухъ отдѣльныхъ царствъ мы находимъ такъ-называемыя болѣзни сомато-психическія, т. е. болѣзненныя измѣненія душевныхъ способностей, которыхъ причины заключаются столько же въ поврежденіи тѣла, какъ и въ разстройствѣ духа. Эти болѣзни были оставлены совершенно безъ вниманія: врачи какъ будто вовсе забыли объ нихъ. Въ такомъ жалкомъ положеніи находилось это дѣло до тѣхъ поръ, пока важность преступленій, совершенныхъ людьми, по видимому, здравомыслящими, безъ достаточныхъ поводовъ, или подъ предлогами самыми ничтожными, не породила въ умахъ просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ германскихъ судей сомнѣнія объ истинномъ значеніи этихъ преступленій, и не заставило ихъ потребовать отъ врачей мнѣнія о такихъ случаяхъ. Неприготовленные къ отвѣту врачи, руководствуясь понятіями, основанными на изученіи умственныхъ болѣзней, отдѣльно отъ болѣзней тѣла, рѣшительно отвергли юридическое значеніе сомато-психическихъ болѣзней: потому только, что въ случайно попадавшихся имъ такого рода явленіяхъ они не находили ни-

VI

чего похожаго на извѣстные имъ чисто-психическія болѣзни. И человеколюбивые судьи съ сжатымъ сердцемъ произносили приговоры, на основаніи которыхъ лилась кровь мнимыхъ преступниковъ. Повтореніе подобныхъ случаевъ заставило однакожь врачей задуматься: они ясно видѣли, что замѣчанія судей о несообразности этихъ мнимыхъ преступленій съ природою человека справедливы, и что причину такого страннаго явленія должно искать въ болѣзненномъ состояніи человека. Не находя въ господствовавшихъ ученіяхъ объ умственныхъ болѣзняхъ средствъ для объясненія этого запутаннаго вопроса, врачи стали изобрѣтать новыя теоріи; но имъ не легко было разстаться съ своими убѣжденіями, и въ новыхъ придуманныхъ ими теоріяхъ отразилась прежняя односторонность. Имѣя случай по служебнымъ занятіямъ своимъ убѣдиться въ этомъ болѣе, нежели многіе изъ врачей,—я долго не рѣшался приступить къ обработкѣ этого нетронутого отдѣла врачебной науки, ожидая, что за этотъ трудъ возмется, можетъ быть, кто-нибудь болѣе меня опытный. Меня удерживали и важность предстоявшаго мнѣ труда и неувѣренность въ свои собственныя силы; между тѣмъ время шло, несчастье стеноло, но трудовъ людей опытныхъ по этой части не являлось, и потому я рѣшился заняться предлагаемымъ сочиненіемъ.

Нуждаясь и въ матеріалахъ, и въ источникахъ, и въ совѣтахъ, я долженъ былъ бороться съ величайшими

затрудненіями; правда, въ новѣйшихъ сочиненіяхъ о душевныхъ болѣзняхъ, особливо у французскихъ писателей, я нашелъ много намековъ и явныхъ признаковъ признанія со стороны знаменитѣйшихъ психіатровъ нашего времени и судебныхъ врачей въ необходимости отдѣлить сомато-психическія болѣзни отъ болѣзней разума; но это были только намеки: никто не рѣшился высказать истину. Такіе же намеки нашелъ я и въ сочиненіяхъ юристовъ. Всѣ они говорятъ о свободѣ воли, какъ основѣ юридическаго вмѣненія, и, исчисляя обстоятельства, ограничивающія свободу воли, упоминаютъ о душевныхъ болѣзняхъ. Нужно ли говорить, что кругъ этихъ болѣзней ограничивается у юристовъ однѣми умственными болѣзнями, что о болѣзняхъ сомато-психическихъ, о болѣзняхъ самой воли, они даже не упоминаютъ, и не могли знать объ этихъ болѣзняхъ: потому что ихъ не знали, или, по крайней мѣрѣ, отвергали, сами врачи! Какія печальныя послѣдствія имѣлъ подобный взглядъ на душевныя болѣзни—мы увидимъ ниже.

При изложеніи частныхъ моего предмета, я съ горестію замѣтилъ, что долженъ буду защищать положенія, которыя заставляютъ сначала думать, будто я защищаю отвратительнѣйшую безнравственность.

Предположивъ себѣ соглашаться, по возможности, выводы науки съ существующими у насъ законоположеніями, я встрѣтилъ новое затрудненіе въ буквѣ закона, не всегда поддерживающей доказываемыя мною

УІІІ

положенія. Относящіяся до болѣзней законоположенія естественно должны основываться на тѣхъ понятіяхъ и выразиться тѣми терминами, которыя могла имѣть современная ихъ установленію наука, а она, какъ мы сказали, до сихъ поръ не позаботилась объ отдѣлѣ этихъ болѣзней.

Чтобы быть столь возможно болѣе понятнымъ, я долженъ былъ каждое свое положеніе подкрѣплять примѣрами изъ практической жизни; а для большей убѣдительности, и вмѣстѣ чтобы показать несообразность, шаткость и неопредѣлительность понятій по сему предмету нашихъ молодыхъ врачей и нѣкоторыхъ законовѣдовъ, я счелъ нужнымъ употребить примѣры изъ нашей собственной отечественной жизни, — что повело къ нѣкоторой растянутости. Примѣры сіи я привелъ большею частію въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ нашелъ ихъ въ показанныхъ мною источникахъ, съ тѣмъ чтобы и самую безыскусственность свою они содѣйствовали внушенію къ себѣ полного довѣрія.

ГЛАВА I.

Краткое обозрѣніе развитія науки о душевныхъ болѣзняхъ и постепенное ея отраженіе въ положительныхъ законодательствахъ.

Главнѣйшее преимущество человѣка предъ другими одушевленными существами заключается въ совершенствѣ душевныхъ его способностей. Это отличительное качество поставило его въ главѣ творенія, такъ что, обладая имъ, онъ обладаетъ Вселенною. За то, съ другой стороны, уклоненіе отъ степени совершенства душевныхъ способностей приближаетъ человѣка къ ряду безсловесныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, всякій, кто имѣлъ случай наблюдать безумныхъ и съумасшедшихъ въ различныхъ видахъ и степеняхъ умалишенія, безъ затрудненія могъ убѣдиться, что человѣкъ, по мѣрѣ утраты душевныхъ способностей, постепенно болѣе и болѣе приближается къ животнымъ, и даже становится ниже сихъ послѣднихъ. Такъ, ежели слабоумный

отъ природы обладаетъ еще инстинктивнымъ чувствомъ самоохраненія и питанія себя, то лишенный всякаго смысла идіотъ теряетъ даже и это качество: не накормленный, онъ умираетъ съ голода среди изобилія, не призрѣнный, онъ низвергается въ открытую пропасть, замерзаетъ отъ холода и проч., хотя бы и предстояла ему возможность избѣгнуть этихъ бѣдствій.

Такое безпомощное состояніе слабоумныхъ, безумныхъ и сѣумасшедшихъ всегда обращало на себя вниманіе ихъ ближнихъ; имъ было оказываемо возможное попеченіе, которое возлагалось или на родственниковъ умалишеннаго, или на общество, принимавшее на себя эту обязанность. Въ началѣ это дѣлалось съ тою единственно человѣколюбивою цѣлью, чтобъ устранить отъ сихъ несчастныхъ ежеминутно угрожающія имъ бѣдствія. Съ развитіемъ общественной жизни и при устройствѣ гражданского порядка стали замѣчать, что одержимые душевными недугами чаще другихъ впадаютъ въ такіе проступки и преступленія, по которымъ они становятся вредными, и для самихъ себя, и для своихъ согражданъ. Убѣдившись многократно подобными примѣрами, Правительства принуждены были постановить правила, или законы, которые, охраняя личность и имущество умалишенныхъ, въ то же время ограждали бы и общество отъ причиняемаго ими вреда. Отсюда-то истекаютъ постановленія о безум-